

Коршунова Ольга Николаевна, Салимгареев Максим Владимирович

ИСТОРИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА СОЛИДАРНОСТИ

Статья фиксирует исторический дискурс интеграции и солидарности. Анализируется феномен солидарности в контексте российской цивилизации. Утверждается, что активизация солидарных начал как социальных скреп российского общества, фундамента национальной идентичности невозможна без обращения к отечественному историческому наследию. Национальное сознание россиян пронизано духом "всемирной отзывчивости". С особой напряженностью и интенсивностью отечественная традиция столетиями выработывала специфические культурные коды солидарности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 1. С. 86-89. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

POLITICAL ACTIVITY OF STUDENT YOUTH: PROBLEMS AND TENDENCIES

Kopaeva Ekaterina Vladimirovna, Ph. D. in Political Sciences

Kotova Kseniya Alekseevna, Ph. D. in Political Sciences

Lisova Svetlana Yur'evna, Ph. D. in Political Sciences

Ivanovo State Power University named after V. I. Lenin

Madflower31@ya.ru

The article analyzes activity of student youth in political life. The main factors and motives of the young generation's involvement in political processes are revealed. The authors pay attention to the analysis of self-identification and peculiarities of the Russian youth's political orientation. Agreement of collective motives of electoral activity of students and motives of participating in political organizations is noted.

Key words and phrases: youth; students; political activity; political process; political participation; electoral activity; elections; state youth policy; political interests; mass media.

УДК 947; 008

Исторические науки и археология

Статья фиксирует исторический дискурс интеграции и солидарности. Анализируется феномен солидарности в контексте российской цивилизации. Утверждается, что активизация солидарных начал как социальных скреп российского общества, фундамента национальной идентичности невозможна без обращения к отечественному историческому наследию. Национальное сознание россиян пронизано духом «всемирной отзывчивости». С особой напряженностью и интенсивностью отечественная традиция столетиями выработывала специфические культурные коды солидарности.

Ключевые слова и фразы: солидарность; история России; интеграция; цивилизация; глобализация.

Коршунова Ольга Николаевна, д.и.н., профессор

Салимгареев Максим Владимирович, к.и.н.

Казанский национальный исследовательский технологический университет

felix_kor@mail.ru; msalimga.dis@mail.ru

ИСТОРИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА СОЛИДАРНОСТИ

На современном этапе глобализации популярным дискурсом стали проблемы интеграции и толерантности. 28-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО приняла еще в конце прошлого столетия Декларацию принципов терпимости [1, с. 202]. Путь к преодолению коллизий нетерпимости многие исследователи усматривают во фронтальном переходе к обществу, основанному на принципе гражданской интеграции людей, осознающих себя источником власти в государстве-нации.

В России на данный момент не сформировалась модель нации по принципу гражданства. Исследователи констатируют несформированность в России политической нации. Аргументируя этот тезис, они ссылаются на территориальные и этнические конфликты, обостряемые миграционными процессами [5, с. 300]. Феномен взрыва этничности как ответа на деидеологизацию отечественного общества обозначил еще один крен в процессе поиска формулы солидарности. Однако современная историческая эпоха в целом характеризуется тревожными признаками социокультурной разобщенности. В этой связи представляется злободневным обратиться к принципу солидарности, одному из ключевых ценностных общественных ориентиров, свойственных человеческим сообществам самых разных культурно-исторических эпох.

Представители эволюционной биологии полагают, что солидарность – это внутривидовой инстинкт, направленный на выживание *homo sapiens*. В результате мутации солидарность у первобытных орд претерпела трансформу, пройдя в диапазоне «свой – чужой» через программирование культурой с последующим расширением действия инстинкта с первичных родовых групп, на большие образования, племена, народности, нации [10, с. 86]. Гуманитарии видят в солидарности «чувство взаимопринадлежности и практическое осуществление его» [3, с. 425], а также принцип, определяющий общественную связь между отдельными индивидами в рамках малых и больших групп людей, основанных на родстве, соседстве, общности труда, интересов и т.д. [7, с. 161]. На наш взгляд, солидарность – это эмоционально-поведенческая, ценностно-мотивационная характеристика всякого человеческого сообщества, обусловленная биопсихосоциальной сущностью человека и общества, где одним из базовых компонентов выступает способность к различного рода консолидации, как на межличностном, так и на межгрупповом уровнях, обеспечивающая искомую целостность и жизнеспособность всех потенциальных субъектов социального действия.

Форматы эры постиндустриального общества порождают импульс снижения приоритетности общечеловеческих ценностей, питают тенденции самоизоляции. Снижение приоритетности общечеловеческих ценностей

сопровождается социально опасным ростом агрессии в отношениях между людьми, тенденцией социального отчуждения. Не случайны размышления о феномене антропологического кризиса, констатируемого в гуманитарных науках. У этого феномена есть и такое измерение: «В десакрализованном обществе человек может рассматриваться не как носитель души, а как объект некоего научного эксперимента» [9, с. 204].

Поляризация в духовной, социальной, политической и экономической сфере становится причиной снижения общечеловеческой сплоченности, что негативно сказывается на функционировании гражданского общества как одной из форм человеческой солидарности. В этой связи своеобразным антикамертоном выступают рецепты, педалирующие принцип интеграции как ступени глобализации, интеграции как ступени глобализации, идеалом которой выступает вариант объединенной Европы [12, с. 81].

Специфика идентичности россиян определяется не только географическими константами, но и исторической судьбой, поликонфессиональностью и полиэтничностью цивилизации. Эту модель можно назвать евразийской, и при всех сомнениях по поводу правомерности постулатов школы евразийцев отрицать в принципе невозможно. В истории России знаковых периодов, требовавших солидарности, было немало. После многоэтапного противостояния Золотой Орде страна пережила этап Смутного времени с его историческими альтернативами, потом период единения 1812 года, а в XX веке наиболее масштабным проявлением солидарности стала Великая Отечественная война. Примечательно, что в историографии существует точка зрения об уникальности России как цивилизации [8]. Уступая Западу в экономической силе и отставая в освоении потенциалов промышленной революции, Россия обладала ресурсами, военной мощью и способностью сосредотачиваться.

Активизация солидарных начал как социальных скреп российского общества, фундамента национальной идентичности невозможна без обращения к отечественному историческому наследию. Национальное сознание россиян пронизано духом «всемирной отзывчивости», замеченной Ф. М. Достоевским. С особой напряженностью и интенсивностью отечественная традиция столетиями вырабатывала специфические культурные коды солидарности. Сформировавшись под воздействием комплекса религиозных, природно-климатических, политических, социально-экономических факторов, они проявляются и сегодня.

На формирование типа мышления, ориентированного на солидарные начала, повлияли специфические природно-географические, ландшафтные, климатические условия России. Гигантские пространства, суровость климата побуждали людей идти на взаимные уступки ради всеобщего выживания. Возможность перемещений по многочисленным речным артериям «корректировала» процессы этногенеза, предопределяла социально-экономическую, политическую интеграцию регионов, культурные контакты этносов, исповедовавших разные религии, создавая пространство духовного единения. Примечательны психолого-исторические свидетельства иностранцев эпохи нэпа, констатировавших такой элемент солидарности одного из социальных секторов России, купцов, как честность. Англичанин С. Хогга писал, что «Россия была единственной страной, где контракты заключались не на бумаге, а на словах. И не брались расписки за полученные за товар деньги. Только в России так можно было торговать» [4, с. 167].

В то же время наличие огромных незащищенных границ, простирающихся вглубь Азии, соседство с враждебными степными соседями стали роковой предпосылкой возникновения в XV-XVI веках централизованного, а со второй половины XVII – абсолютистского государства. Военно-феодалный крен абсолютизма был направлен не только вовне. Принудительно внедренные формы внеэкономической зависимости населения стали тормозом не только социально-экономического, но и духовного развития, разобщали социум, даже если его представители имели одинаковое вероисповедание. Впрочем, духовные искания не прекращались и в каком-то смысле произрастали как реакция на репрессалии. К тому же вариант модернизации Петра I имел и цивилизационные позитивы. Россия была уникальной локальной цивилизацией, противостоявшей Западу. Уступая своему *vis-a-vis* в форматах промышленной революции и либерализации, империя обладала трудовым потенциалом, сырьевыми ресурсами, военной мощью [12, с. 53].

Огромную роль фактора социальной консолидации сыграла православная церковь. Однако, будучи зависимой от государства и ограниченной догматами, она не могла воплотить идею братского единства с иноверческими народами. Более того, церковь сама пережила тяжелый этап внутреннего раскола.

Солидарность в политическом измерении периодически подпитывалась милитаризацией общества, особенно в условиях модернизационных рывков XVIII-XX столетий, проходивших на фоне колониальной экспансии Запада. Стимулируемая государством милитаризованная консолидированность в эти периоды становится важнейшим компонентом российской национальной идентичности. И все-таки на протяжении длительного пути развития Россия, оставаясь аграрной страной, выработала оригинальную солидаризационную доктрину, в основе которой лежала амальгама альтруизма, «божьей правды» и общинного единения. Все это стало фундаментом отечественного менталитета, ориентированного на коллективизм, сохранявшийся в российском обществе веками, несмотря и вопреки западным культурным веяниям.

Отметим, что западноевропейская традиция, в направлении которой Россию периодически влечет историческая судьба, развивалась под знаком индивидуализма, получившего наибольшее распространение в эпоху модерна. В это время концепцию общинности постепенно сменила концепция общества, что в социальной практике привело к ослаблению традиции, основанной на иррациональном религиозном чувстве единства человеческого рода. Европейская идея секулярного единства предопределила появление индустриальной цивилизации с ее миром машин и капитала, который заглушает в культурных доминантах европейских народов глубинное стремление человека к братству, рождающееся и развивающееся в недрах трансцендентного [9, с. 201-202].

В то же время во второй половине XIX века секулярную формулу солидарности, базирующуюся на нигилизме, проповедовала «передовая» отечественная интеллигенция. Как писал С. Л. Франк, «морализм русской интеллигенции есть лишь выражение и отражение ее нигилизма... символ веры русского интеллигента есть удовлетворение нужд большинства. Жизнь не имеет никакого внутреннего смысла; единственное благо в ней есть материальная обеспеченность, удовлетворение субъективных потребностей... самый питательный корень народничества – альтруизм» [11, с. 177]. Стремясь к прогрессивному развитию социальной жизни, нигилисты страстно желали устранить из нее укорененный столетиями тип солидарности, основанный на религиозном чувстве причастности к трансцендентным пластам бытия. Они заменили ее сугубо светским и ориентированным на внешнюю форму концептом справедливости.

Из установок мыслителей эпохи Просвещения не проистекал дух аморализма. Но дух отрицания нравственности провоцировал идеологизацию опасного концепта, для носителей которого не существует ни преступлений, ни грехов, ни великих нравственных деяний. Ведь он усматривает в человеческой морали лишь приспособительный рефлекс, относительность которого вытекает из природной реакции на среду, которая детерминирует характер поведения. Совесть рассматривалась как результат эволюционного движения обезьяны к человеку современного типа, это продукт наследственности. В эту этическую ловушку попала вся революционно настроенная интеллигенция от народников до марксистов. «Совесть! Что совесть? Зачем же я мучаюсь? По привычке. По всемирной человеческой привычке за семь тысяч лет. Так отвыкнем и будем боги» [2, с. 87]. Однако солидарность участников революционного движения есть исторический факт. Для революции характерна вынужденная благотворительность и братство из страха (вместо братства из любви к Богу), проникнутое духом гордости.

Общечеловеческое начало материалистически настроенной интеллигенции мыслилось в плоскости повторения придуманных и отживших социальных ограничений. В их логике «тирания» религиозно оправданной совестливости должна быть однажды низвергнута прорывом к разуму и науке как подлинным мерилам должного и естественного. Разум и его научный способ познания мира, по их мнению, доказывают, что человек по своей природе себялюбец, а весь его альтруизм – не что иное, как следствие биологически оправданного социального эгоизма. Между тем любая внешне выраженная, научно обоснованная и социологически сконструированная, насаждаемая государством формальная согласованность эгоистических индивидов сводится в обществе к явному или скрытому обману.

Однако на протяжении веков религиозный тип солидарности консолидировал общество, в том числе идеологически. Идея царя как помазанника божия была ключевой идеологемой российского самодержавия, его фундаментом. Сложившаяся при этом унитарная форма государства была объявлена высшей политической ценностью, хотя и не отвечала интересам многонациональной страны [13, с. 151].

После роковых событий 1917 года, трагедии Мировой и Гражданской войн, слома большинства культурных кодов солидарность насильственно конструировалась на принципах светского, постепенно формирующегося тоталитарного политического режима и атеистической пропаганды. Создание советского общества с его искусственной моделью интернационализма стало бомбой замедленного действия, которая сработала в ситуации распада государственности и роста социально-этнической напряженности на закате советской эпохи.

Внедряя новую, социалистическую солидарность в период коллективизации и индустриализации, социалистическое государство использовало энтузиазм оглушенных пропагандой масс, не гнушаясь всеобщим принуждением к труду. Труд вообще стал идеалом всеобщей солидарности, резонируя с известным призывом той эпохи «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Подневольная солидарность, проявляющаяся в рабском труде заключенных лагерей, выражала собой один из моральных императивов социализма во времена Сталина.

В порыве атеизма, отрицающего трансцендентное бытие сознания, в общество внедрялись политические страхи. «Мы находимся в окружении наших врагов. Мы, социалистическое общество, должны победить или нас сомнут». Оправданием этой установки служит лишь Великая Отечественная война, когда возникла реальная угроза гибели российских народов. Не случайно гражданская инициатива людей, осознанно идущих добровольцами на фронт, достигла небывалых масштабов, что в конечном итоге стало одним из решающих факторов победы над гитлеровской Германией.

В то же время в эпоху массовых репрессий в сталинских лагерях появился особый культурный код, деформировавший естественную солидарность, обративший ее в обезображенную криминализированную форму консолидации, заражавшую различные феномены культуры своими ядовитыми проявлениями. Растущая роль уголовных порядков в повседневной жизни обычных граждан стала общественным риском и подвела, по мнению А. Солженицына, к ее развалу [8, с. 68].

На внешнеполитической арене, да и внутри страны, главным лозунгом был: «Мы отвечаем за всё!». С задором, заданным временем, В. Маяковский писал: «...пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм». Несмотря на энтузиазм и альтруизм миллионов искренних приверженцев идеологии, мечты о солидарном рае людей доброй воли оказались несбыточными грезами. Для многих мыслящих представителей интеллигенции это стало очевидно на закате эпохи социализма, когда страна, по заявлениям руководства, уже жила в преддверии коммунизма. В это время моральная сила ежедневного трудового подвига как основы солидарности общества угасала. Последней попыткой возродить массовую трудовую солидарность стало строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Но советский человек отличался от среднего человека Запада наличием элементов общинного крестьянского мироощущения. Все усилия объединить людей счастьем будущих поколений, предпринимавшиеся в советский период, оказались напрасны.

Солидарность все чаще мелькала только в лозунгах к торжествам по случаю 1-го Мая и Великой Октябрьской социалистической революции. Однако солидарность в отношении будущего страны не стала реальностью и для людей эпохи перестройки, когда социалистическая идеология подверглась глубокой этической диверсификации. Последующий за этим период «дикого капитализма» также не привел общество к гармонии.

Современные попытки снизить экономическую и социальную поляризацию, приостановить утрату базовых ценностей и целей за счет активизации амбиций государства могут быть лишь одним из путей поиска долгосрочной позитивной перспективы развития общества, стремящегося выжить в условиях глобализации.

Исторический опыт России, нравственный потенциал ее многовековой культуры, вырабатывавшей общечеловеческий код, дает надежду, что сложившаяся на сегодня система нравственных норм и принципов солидарности приведет к положительному итогу. Неизбывное стремление человека к гармонии социального единства не одно тысячелетие ведет человечество через глубины невероятных страданий ко времени всеобщего прощения и всеобщей сопричастности. Сегодня мы видим, что процесс интернационализации и интеграции происходит не только в экономической, социальной, политико-правовой сферах. Основополагающим вектором развития представляется культурная интеграция, содержание которой вбирает в себя и солидарность.

Возникают обновленные моральные ориентиры, медленно, но неуклонно человечество движется к планетарной, общечеловеческой солидарности, позволяющей выживать и развиваться всему человеческому роду [14, p. 180]. Альтернативный вариант неолиберальной глобализации исторически возможен. Увеличивающаяся плотность «информационного потока» дает шанс традиционным культурам адаптироваться и постепенно выйти за пределы этнической ограниченности и замкнутости, получить значительную динамику, не утратив идентичности. Диалог культур постепенно может привести к тому, что внутри каждой культуры станут очевидными смысловые и символические коды, которые соразмерны общечеловеческим ценностям. Углубление этого процесса будет способствовать выдвигению идей всеобщей солидарности во имя преодоления глобальных угроз. Общечеловеческое неизбежно станет в центре всякой культурной деятельности каждой рационально ориентированной цивилизации, и все, что способствует разобщению человечества, увеличению вражды и агрессии между людьми, должно быть подвергнуто культурному запрету.

Список источников

1. **Грачев А., Ломейко В.** Встреча цивилизаций: конфликт или диалог? Париж: Юнеско, 1996. 202 с.
2. **Достоевский Ф. М.** Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. Братья Карамазовы. Кн. XI-XII. Эпилог; Рукописные редакции. 623 с.
3. **Краткая философская энциклопедия** / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. 596 с.
4. **Кругов М.** Иная история России. М.: Время, 2008. 432 с.
5. **Паин Э.** Этнические конфликты: столкновение культур или дисфункция системы? // Пути России. Альтернативы общественного развития: сб. ст. / под ред. М. Г. Пугачевой. М.: НЛЮ, 2015. С. 300-320.
6. **Русский мир как цивилизационное пространство:** коллективная монография / под ред. А. А. Гусейнова, А. А. Кара-Мурзы, А. Ф. Яковлевой; РАН, Ин-т философии РАН. М.: Фонд «Русский мир», 2011. 301 с.
7. **Современная философия:** словарь и хрестоматия / сост. Л. В. Жаров и др. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 280 с.
8. **Солженицын А. И.** Россия в обвале. М.: Русский путь, 2006. 216 с.
9. **Сулова Р. А.** Культура и антропологический кризис: современное понимание // Credo. 2011. № 3. С. 201-205.
10. **Фет А. И.** Собрание сочинений: в 7-ми т. Rehoboth, New Mexico, 2015. Т. 1. Инстинкт и социальное поведение. 560 с.
11. **Франк С. Л.** Этика нигилизма // Вехи: сб. статей о русской интеллигенции [репринтное издание 1909]. М., 1990. С. 175-210.
12. **Яковец Ю. В.** Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2003. 411 с.
13. **Яницкий О. Н.** Альтруизм, мораль и социальная солидарность в России XX в. // Социальная солидарность и альтруизм: социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: сб. науч. тр. / Российская акад. наук, Ин-т науч. информ. по общественным наукам; редкол.: Д. В. Ефременко – отв. ред. и др. М.: ИНИОН, 2014. С. 150-165.
14. **Vorontsova V. L., Vorontsova A. V., Salimgareev D. V., Salimgareev M. V.** Actual Aspects of Globalization: the Sociocultural Context // Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict. 2016. Vol. 20. Special Issue. P. 180-185.

HISTORY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE PHENOMENON OF SOLIDARITY

Korshunova Ol'ga Nikolaevna, Doctor in History, Professor
Salimgareev Maksim Vladimirovich, Ph. D. in History
Kazan National Research Technological University
felix_kor@mail.ru; msalimga.dis@mail.ru

The article deals with historical discourse of integration and solidarity. The phenomenon of solidarity is analyzed in the context of Russian civilization. It is ascertained that activization of solidarity principles as social ties of the Russian society, foundation of national identity is impossible without reference to national historic heritage. National consciousness of the Russians is permeated with the spirit of “world-wide responsiveness”. The domestic tradition has developed specific cultural codes of solidarity with special tension and intensity for centuries.

Key words and phrases: solidarity; history of Russia; integration; civilization; globalization.